

Екатерина Романовна Дашкова:

«Кто исполнил долг свой, того несправедливость людская возмутить не может...»

Надежда Коршунова

Перелистывая страницы отечественной истории XVIII – XIX веков, мало найдешь женских образов, равных Екатерине Романовне Дашковой. Наделенная от природы умом и талантами, она сумела развить их, посвятить служению отечеству, оставив неизгладимый след в памяти поколений. Ее биография больше похожа на «мужскую»: участие в перевороте, решение финансовых проблем семьи, государственная служба и общественная деятельность, опала, горячие споры о роли ее личности уже среди современников. Все это вынесли хрупкие женские плечи с непревзойденным упорством и мужеством. Тем интереснее ее жизнь и судьба. Рождение, первые годы жизни, замужество, знакомство с Екатериной II, тогда еще «просто» супругой наследника – все эти, казалось бы, обычные факты биографии, описанные самой Е.Р. Дашковой в своих мемуарах, со временем обросли легендами.

Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, родилась 17 марта 1743 года в Санкт-Петербурге – в мемуарах Дашкова «убавила» себе год, однако точная дата не единожды встречается в служебных документах статс-дамы. Родителями Дашковой были Марфа Ивановна Сурнина и Роман Илларионович Воронцов. Гордившаяся древностью своего рода, Екатерина Романовна редко писала о матери, хотя именно благодаря ее близости с императрицей Елизаветой Петровной, которую она ссужала деньгами, их семья оказалась близка ко Двору.

Марфа Ивановна умерла 19 апреля 1745 года, оставив пятерых детей: Марию (1738 г.р.), Елизавету (1739), Александра (1741), Екатерину (1743) и Семена (1744). Старших сестер определили фрейлинами: Марию к Елизавете Петровне, а Елизавету – к Екатерине Алексеевне, жене наследника. Александра взял на воспитание брат Романа Илларионовича, Михаил Илларионович Воронцов, будущий канцлер. Екатерина до четырех лет находилась на попечении бабушки по материнской линии Феодосии Артемьевны Сурниной. Поговаривали, что причина подобного решения крылась в подозрении, что отцом Екатерины был не Роман Воронцов, а Никита Иванович Панин, чем и объясняется решение отца отправить Дашкову к бабушке по материнской линии, в то время как остальные дети были пристроены к членам семьи по отцовской линии. Правда это или сплетни – не так важно, но это явно наложило свой отпечаток на характер Екатерины Романовны и способствовало ее желанию доказать, что она не хуже других.

В четыре года Дашкова была передана «в менее ласковые руки», в дом своего дяди, М.И. Воронцова, который взял ее в «компаньонки» к своей единственной дочери Анне. Канцлер Воронцов, как мог, окружил заботой девочек и постарался дать им лучшее по тем временам образование. Однако Екатерина лишилась заботы любящей бабушки, попав к тому же на положение «младшей родственницы», которую не сочли нужным определить ко Двору, как ее сестер. Екатерина начала читать книги, благо М.И. Воронцов располагал большой библиотекой. Любовь к чтению закрепила «прилипчивая болезнь» – корь, для лечения которой Екатерина была отправлена в деревню. Там она запоем читала произведения новейшей французской литературы: П. Бейля, Ш. Монтескье, Вольтера, Н. Буало, причем не только из библиотеки дяди-канцлера, но и пользуясь расположением известного мецената И.И. Шувалова, который делился с ней

книгами из собственной библиотеки и даже выписывал литературу из-за границы.

1758 год стал судьбоносным для Екатерины Воронцовой – она познакомилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной (будущей Екатериной II) и своим будущим мужем. Отчужденность от семьи предопределила раннее, даже по тем временам, замужество Екатерины Романовны. Сватовство тоже обросло легендами: как писал французский писатель, долго живший при Российском дворе, К. Рюльер, Дашкова сама сосватала себе мужа. Он рассказывал, что на одном из обычных приемов красавец-князь Михаил Иванович Дашков сделал Екатерине Воронцовой комплимент, после чего она передала канцлеру, что князь Дашков якобы просит ее руки, и тот не смог ответить отказом. Эта история вряд ли имела место в действительности, но она великолепно характеризует Воронцову-Дашкову. Реальность куда более проста: Екатерина Романовна, не будучи определена ко Двору, осталась летом в Петербурге, тогда как вся ее большая семья уехала в Царское Село. На одном из городских приемов она и познакомилась с будущим мужем, также коротавшим лето в городе... Партия была выгодна для обоих: через мужа Екатерина Романовна познакомилась с Н.И. Паниным – родственником Михаила Дашкова и воспитателем великого князя Павла Петровича.

В один из осенних вечеров того же 1758 года Дашкова была представлена великой княгине Екатерине Алексеевне. Екатерина Романовна была совершенно очарована будущей императрицей, увидев в великой княгине черты, необходимые «идеальному государю Отечества». Между двумя Екатеринами началась дружба, в которой будущая императрица постоянно уверяла свою юную подругу.

Клан Воронцовых, к которому принадлежала и Екатерина Романовна, активно поддерживал претендента на престол,

великого князя Петра Петровича (будущего Петра III), в том числе и благодаря дружбе, перешедшей в роман будущего императора с Елизаветой Воронцовой. Конечно, амбициозной великой княгине Екатерине Алексеевне нужен был «свой человек во вражеском стане». Юная, где-то наивная, но далеко не глупая Дашкова подходила для этого как нельзя лучше. В дальнейшем, намекая Дашковой о своих планах занять престол (но не посвящая в технические детали заговора), Екатерина Алексеевна через нее добилась поддержки многих аристократов, критически относящихся к политике последних лет императрицы Елизаветы.

Исследователи творчества Екатерины Дашковой порой упрекают ее в нескромности и преувеличении своей роли в перевороте в пользу Екатерины Алексеевны, иронизируя по поводу переживаний Дашковой в решающий день переворота, что она долго не могла «присоединиться к своей подруге», т.к. портной не принес вовремя заказанное мужское платье. Понятно, что техническую часть переворота выполняла не юная княгиня, которой на тот момент едва исполнилось восемнадцать лет – для этого у Екатерины Алексеевны были братья Орловы, поддерживаемые гвардией. Однако будущей императрице очень нужна была «компаньонка» для соблюдения действующих тогда правил приличия. Да и нейтрализация влиятельных родственников легла на плечи юной заговорщицы.

Переворот успешно завершён, и «компаньонка» превращается в навязчивую советницу. Да ещё её дружба с Н.И. Паниным, который считал, что Екатерина Алексеевна должна была объявить себя всего лишь регентшей при сыне Павле Петровиче. Во время коронации в Москве Дашковой отводят место по чину её мужа – на галерке с женами полковников. В мемуарах Екатерина Романовна во всем винит Орловых, чьё присутствие рядом с Екатериной II «разочаровало её». Тем не менее, Дашкова, как

человек умный, безропотно удаляется от нового Двора к своей семье.

Что она испытывала в душе – можно лишь догадываться: «полуграмотный» Григорий Орлов, полулежа на кушетке в покоях императрицы, распечатывает письма и диктует ответы, а «лучшей подруге» даже не нашлось места рядом с Екатериной на коронации! Обвинения в заносчивости здесь вряд ли уместны, так как у Екатерины Романовны действительно были основания для обиды.

В 1762 году, незадолго до переворота и вступления на престол, тогда еще великая княгиня Екатерина Алексеевна писала Дашковой: «Будьте уверены, что с моей стороны Вы всегда встретите самую горячую взаимность. Для меня будет истинным праздником видеть Вас»; накануне переворота «искренне» заверяла, что останется «на всю жизнь верным другом». Но уже через месяц после переворота тон императрицы Екатерины сменился. Так, в письме Станиславу Понятовскому, явно в расчете, что ее слова будут услышаны в Европе, она писала: «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя и очень желала приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести вследствие своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста и не внушала никому доверия... Правда, она очень умна, но с большим тщеславием она соединяет взбалмошный характер». Подобная характеристика со стороны императрицы очень скоро стала преобладающей в оценке характера и действий Дашковой.

Екатерина Дашкова удалась из столицы, желая обрести покой в семье. Однако семейное счастье Дашковой было недолгим: в 1764 году от болезни умирает муж, и Екатерина Романовна была вынуждена углубиться в решение хозяйственных вопросов, расплачиваясь с многочисленными долгами супруга. 1765–1767 годы она провела в Москве и своих имениях, поправляя

финансовые дела; в 1768 году предприняла трехмесячную поездку по России; в 1769–1771 и 1776–1782 годах совершила два заграничных путешествия.

Первая заграничная поездка была необходима, чтобы поправить здоровье, прежде всего душевное, после смерти мужа и – еще более – после разрыва с Екатериной II. Путешествие было по тем временам недолгим: одна из биографов Дашковой, Л.Я. Лозинская, предполагает, что Дашкова вернулась в Россию специально в преддверии совершеннолетия великого князя Павла Петровича. Ведь декабрист М.А. Фонвизин в своих воспоминаниях писал: «Мой покойный отец рассказывал мне, что в 1773 или 1775 г., когда цесаревич достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, граф Н.И. Панин, брат его, фельдмаршал П.И. Панин, княгиня Е.Р. Дашкова... вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына». Впрочем, кроме этого единичного свидетельства, никаких иных указаний на участие Дашковой в заговоре против Екатерины II мы не находим.

Во второй заграничной поездке Дашкова, уже не теша себя иллюзиями приобрести вес в России, поставила перед собой вполне частную задачу – приискать хорошее учебное заведение для своего сына Павла. Судьбу дочери Анастасии, как она считала, она устроила, выдав ее замуж за бригадира А.Е. Щербинина. Екатерина Романовна путешествовала по Германии, Англии, Голландии, Франции, Италии и Швейцарии, завела близкое знакомство с Д. Дидро, встречалась с Вольтером, Г. Рейналем и другими видными западноевропейскими мыслителями и государственными деятелями.

Большой интерес представляет длительное знакомство Дашковой с деятельностью Эдинбургского университета, который она выбрала для обучения сына. Она прожила в Шотландии с 1776

по 1779 год и свела знакомства со многими профессорами: ректором и историком У. Робертсоном, профессором риторики Х. Блером, профессором натуральной и моральной философии А. Фергюсоном, экономистом А. Смитом. Дашкова активно интересовалась устройством работы университета, методами обучения студентов; в настоящее время при Эдинбургском университете действует «Центр Е.Р. Дашковой».

Екатерину Романовну, хотя она путешествовала инкогнито, европейские дворы встречали с большим интересом. О ней были наслышаны, благодаря многочисленным рассказам о ее участии в Санкт-Петербургском перевороте и дальнейшем таинственном исчезновении с политической сцены. При всех встречах и беседах, будь то с философами или монаршими особами, Дашкова на словах горячо поддерживала императрицу Екатерину и ее реформы. Трудно сказать, преследовала ли Дашкова какую-либо личную цель, но результат превзошел ее ожидания. По возвращении в Петербург Екатерина II «возобновила дружбу»: она пожаловала Дашковой 2500 душ крепостных и дом в столице ценой в 30 тысяч рублей. А 23 января 1783 года Дашкова была назначена директором Императорской Академии наук и художеств, которую потом возглавляла вплоть до ноября 1796 года.

Назначение Дашковой директором Академии – эффектный и продуманный шаг Екатерины II. Ум, способности, в том числе хозяйственные, Екатерины Романовны были использованы в государственной деятельности. В задачи Академии входило покровительство ученым, занимающихся собственно наукой, издание научных трудов, содержание академического Университет и гимназии. От Директора такого учреждения требовалось быть и педагогом, и ученым, и хозяйственником. Оценки работы Дашковой во главе Академии неоднозначны, но само наличие многочисленных отзывов говорит о том, что труды Екатерины

Романовны не прошли даром, стали заметны и ощутимы современниками и потомками.

После погашения долгов и стабилизации финансового состояния Академии Е.Р. Дашкова добилась строительства для нее нового специального здания: начатое в 1783 году, оно уже к 1787 году было в основном закончено. А еще ранее, в 1784 году, Екатерина Романовна основала фонд в 30 000 рублей, проценты от которого пошли на оплату труда русским профессорам, дававшим открытые лекции.

При Дашковой заметно оживилась научно-просветительская, учебная и издательская деятельность Академии. Особое внимание Екатерины Романовны привлекла педагогическая работа: еще заботясь об обучении сына в Шотландии, она глубоко задумывалась о преимуществах той или иной системы образования и воспитания. Дашкова пересмотрела учебные планы петербургских студентов и гимназистов: за основу она взяла систему Эдинбургского университета, которую хорошо изучила лично.

Директором был организован строгий порядок сдачи экзаменов студентами не реже, чем два раза в год: в апреле-мае и сентябре-октябре. Экзаменаторами обычно выступали академики П.Б. Иноходцев, И.И. Лепехин, Г. Крафт, П. Паллас, Н.И. Фусс, Ф.И. Шуберт. Целью экзамена гимназистов было «аттестовать академических гимназистов и в конце месяца выдвинуть на звание студента тех их них, кто более достоин». Дашкова часто сама присутствовала на экзаменах. Так, после одного экзамена по математике она сделала вывод, что учебный план, по которому учат гимназистов, требует значительной корректировки.

Дашкова была убеждена, что одних сугубо теоретических знаний мало, их необходимо закрепить на практике. «Испытания нас более убеждают, нежели предписания и книги нас уверить

удобны», – писала Дашкова в своем трактате «О смысле слова “воспитание”». В частности, студентам нужна была языковая практика, и Дашкова выписывала для этих целей из-за рубежа большое количество книг на иностранных языках. Можно сказать, что Дашкова-педагог формировалась на протяжении всей своей жизни.

Активизировалось при новом Директоре Академии и издательское дело. По рекомендации Дашковой, Екатерина II дала указание всем типографиям государства присылать по одному экземпляру каждого печатного издания в Библиотеку Академии наук. Начиная с 1784 года, каждое лето организовывались публичные лекции на русском языке; стали регулярно выходить «Труды» Академии. По инициативе Дашковой печатается Полное собрание сочинений М.В. Ломоносова, переиздается «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, «Аналитические труды» и «Интегративное исчисление» Л. Эйлера, продолжается публикация «Дневных записок» И.И. Лепехина. Важным достижением явился выпуск «Словаря Академии Российской», осуществленный в 1789–1794 годах: к написанию статей были привлечены Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, М.М. Щербатов, И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецкий и др.

Весьма разнообразна и обширна была литературная деятельность Е.Р. Дашковой: она писала стихи на русском и французском языках, пьесы, публицистические статьи, многочисленные «академические речи» (в которых заметно влияние аналогичных выступлений Ломоносова), переводила сочинения западноевропейских просветителей. Наиболее ярко литературное дарование Дашковой проявилось в «Записках», которые и сделали ее известной как писательницу.

При Академии наук в 1783–1784 годах Дашкова учредила журнал «Собеседник любителей русского слова», который

издавался «иждивением Академии наук». Журнал открывался одой Г.Р. Державина «Фелица», публикация которой определила его основное направление – прославление монархии и самой Екатерины II. В журнале были опубликованы статьи, содержащие острые сатирические выпады против двора, отдельных вельмож и неурюстройства общественного быта. Но в «Собеседнике» печатались произведения и таких писателей как Д. Фонвизин, Я. Княжнин, Ф. Козельский, С. Бобров, осознававших недостатки екатерининского правления. Самым заметным общественно-политическим выступлением журнала явилась публикация «Вопросов» Д.И. Фонвизина и «Ответов» на них Екатерины II. Свидетельством того, что Дашкова отчасти разделяла точку зрения Фонвизина, является ее «Послание к слову “Так“», посвященное теме всеобщего угодничества при дворе. В журнале Фонвизин напечатал «Опыт российского сословника», т.е. словаря синонимических выражений.

Сотрудничество Екатерины II в «Собеседнике» не означало полного единодушия императрицы и издателя. В некоторых сочинениях Екатерины II в 1780-х годах проявилось ее недовольство Дашковой. Так, в «Собеседнике» была опубликована ее статья «Общества незнающих ежедневная записка» – пародия на заседания Российской Академии, а в пьесе «За мухой с обухом» императрица вывела Дашкову под именем Постреловой, особы, безудержно хвастающейся своими заграничными вояжами.

Как директор Академии наук, Е.Р. Дашкова руководила изданием журнала «Новое ежемесячное сочинение» (1786–1796), куда привлекла бывших сотрудников «Собеседника». Основное место в журнале занимали обширные переводы из сочинений А. фон Галлера, Х.-Ф. Геллерта, Вольтера, Гельвеция и др. Наиболее значительными научными публикациями были статьи В.В. Крестинина по русской истории; А. Фомина по вопросам

языкознания; материалы из архива Г.-Ф. Миллера по экономическому и географическому изучению Севера. Публикации самой Дашковой непосредственно связаны с событиями Французской революции.

В декабре 1792 года Е.Р. Дашкова участвовала в издании альманаха «Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений», который выходил в 1786–1794 годах под редакцией В.А. Ушакова. В альманахе были помещены тираноборческие трагедии «Сорена и Замир» Н.П. Николева, «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина, сатирические комедии И.А. Крылова, А.И. Клушина и др.

По своему положению и занимаемым должностям, Екатерина Романовна имела широкий круг литературных знакомств. Через А.Р. Воронцова она была знакома с А.Н. Радищевым и читала его «Житие Ф.В. Ушакова». Дашкова поддерживала Я.Б. Княжнина, Г.Р. Державина, хотя с последним у нее были достаточно сложные отношения. Дашкова была автором нескольких драматических произведений: комедии «Тоисиоков, или Человек бесхарактерный» (1786) для Эрмитажного театра (прототипом главного героя послужил И.И. Шувалов), пьесы «Свадьба Фабиана, или Алчность к богатству наказанная» (1799), написанное в продолжение драмы А. Коцебу «Бедность и благородство души», либретто оперы «Земир и Азор» (1783). В 1788 году вышел ее роман «Новая Евфимия».

К 1794 году у Дашковой вновь обострились отношения с Екатериной II, и ей был предоставлен длительный отпуск. А пришедший к власти Император Павел I вообще освободил Дашкову от всех должностей и велел жить вдали от Петербурга. Последние 15 лет жизни Екатерина Романовна провела в подмосковном имении Троицком и в новгородской деревне Кротово (Коротово). При Александре I опала закончилась, но Екатерина Романовна не стала возвращаться к публичной

деятельности. В эти годы она занималась хозяйством, вела обширную переписку, интересовалась театром, литературой и политикой. Она была принята в Вольное экономическое общество, Филадельфийское философское общество, стала членом Стокгольмской Академии наук.

В 1801 году члены Российской Академии письменно пригласили Е.Р. Дашкову вновь занять председательское место, но она, не желая возвращаться к активной деятельности, отказалась. Однако связи ее с литераторами не прерывались. Она участвует в журнале «Друг просвещения» (1804–1806), где публикует заметки просветительного характера: «Нечто из записной моей книжки», «О старинных пословицах», ведет полемику с журналом «Северный вестник» о преимуществах использования вольного труда в помещичьем хозяйстве.

В 1805–1806 годах в Троицком Дашкова написала свои «Записки». Их целью Дашкова считала «воссоздать откровенную историю моей жизни». Но это произведение далеко выходит за рамки автобиографии и содержит множество важных фактических данных и оценок: переворот 1762 года, характеристики Петра III, Екатерины II, Павла I, братьев Орловых, А.Р. Воронцова, Руссо, Дидро, Вольтера, Эйлера, Кауница и др. Впрочем, о ряде событий и фактов автор намеренно умалчивает. «Записки» крайне пристрастны: Дашкова явно завышает свою роль в ряде исторических событий.

Мемуары Дашковой были посвящены ее компаньонке, ирландке М. Вильмот (в замужестве Брэдфорд), с предоставлением ей права публикации «Записок» после смерти автора. Изданию «Записок» в Англии первоначально препятствовал С.Р. Воронцов; английский перевод появился лишь в 1840 году. На его основе А.И. Герцен опубликовал в «Полярной звезде» исторический очерк «Княгиня Екатерина Романовна

Дашкова» (1857, кн. 3). А в 1859 году Герцен печатает в Лондоне «Записки» Дашковой в русском переводе Г.Е. Благосветлова. В России мемуары Дашковой на русском языке были изданы в отрывках в «Русской старине» в 1892 году; их полное издание появилось только в 1907 году...

На формирование общественно-политических взглядов Е.Р. Дашковой существенное влияние оказали англофильская и либеральная традиции семьи Воронцовых, а также знакомство с графами-реформаторами Паниными. Идеалом государственного устройства для России Дашкова считала ограниченную правом монархию английского или шведского типа: «Англия мне более других государств понравилась», так как «правление их превосходит усиленные опыты других народов в подобных предприятиях, государь подчиняется законам и в некотором роде отвечает перед судом общественного мнения».

Несмотря на личную обиду к императрице, Дашкова публично всегда поддерживала курс Екатерины II и в России и, что еще важнее, за границей. Размышляя о монархии, она писала: «Каждый благоразумный человек, знающий, что власть, отданная в руки толпы, слишком порывиста или слишком неповоротлива, беспорядочна вследствие разнообразия мнений и чувств, желает ограниченного монархического правления с уважаемым монархом, который был бы отцом для своих подданных и внушал страх злым людям».

Дашкова одной из первых осудила многие деяния самого Петра Великого. По ее мнению, тот менял законы так часто, что казалось, будто его единственная цель – «утверждение своего права обращаться с законами как ему заблагорассудится». Княгиня Дашкова называла Петра «блестящим деспотом» и «невежей», «пожертвовавшим полезными учреждениями, законами, правами и привилегиями своих подданных ради своего

честолюбия, побудившего его все сломать и заменить новым, независимо от того, полезно оно или нет».

Дашкова всегда была поклонницей политических идей Ш.Л. Монтескье. Она считала одинаково незаконными действия как деспота, так и «разбушевавшейся толпы». В событиях Французской революции она увидела лишь «озлобление, борьбу партий и цинизм», приведшие к крушению идеалов просветителей XVIII века. Поэтому революционные действия Дашкова полагала вредными для общества, а единственным средством, способным привести Россию к «всеобщему благоденствию» считала Просвещение. По ее мнению, главной чертой «идеального монарха» должна быть полная и совершенная приверженность общественному благу.

Е.Р. Дашкова признавала ненормальность положения, когда один человек владеет другим, однако считала, что отменять крепостное право в России преждевременно. Хрестоматийно известен записанный в мемуарах Дашковой спор на данную тему между ней и Дидро. В идеале, считала Дашкова, если между помещиками и крестьянами установятся отеческие отношения, «так как благосостояние наших крестьян увеличивает наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушать источник наших доходов». Она считала, что существует прямая зависимость между решением крестьянского вопроса и проблемой реализации политических прав дворянства. «Если б государь, разбив цепи, приковывающие крепостных к их помещикам, в то же время ослабил кандалы, наложенные его деспотической волей на дворянское сословие, я первая бы подписала этот договор своею собственною кровью».

Е.Р. Дашкова была убеждена в том, что «помещики образуют переходную власть между престолом и крепостным сословием». Поэтому, если прекращается власть помещика над крестьянином,

то «начинается произвол правительства, или, лучше, самоуправство мелкого чиновника». Исходя из этого, гораздо рациональнее, писала Дашкова, заинтересовать помещиков в улучшении благосостояния своих крестьян. Екатерина Романовна в целом не отрицала необходимости в будущем отменить крепостное право, но прежде следует заняться народным просвещением. Иначе из-под власти помещиков крестьяне попадут еще в большую зависимость от местных чиновников. Перед тем, как освободить крестьян, необходимо их просветить, чтобы они могли достойно воспользоваться этой свободой. Дашкова одной из первых в русской общественной мысли поставила вопрос об ответственности, в том числе нравственной, чиновников на местах.

Проблемы воспитания и образования волновали Е.Р. Дашкову на протяжении всей ее жизни и применительно к собственным детям, и как директора Академического университета и гимназии. На взгляды Екатерины Романовны существенное влияние оказала английская система воспитания и особенно труды Дж. Локка. Она сама выступила автором ряда статей о проблемах образования и воспитания, в частности: «О смысле слова “воспитание”», «Об истинном благополучии», «О добродетели», «Да будут русские русскими». Именно воспитание или просвещение она рассматривала как важнейший фактор формирования человеческой личности. Красной нитью через все ее сочинения проходит тезис в том, что единственным источником благополучия человека и общества является добродетель, т.е. «то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям, полезным нам самим, ближним нашим и обществу». Истинная добродетель достигается только путем воспитания. Грамотное воспитание позволяет создать человека с высокими общественными и нравственными стремлениями. Более того, понятию «добродетель», которая всегда «совершенна и изящна», соответствует

«справедливость». «Когда бы человек мог, – писала Дашкова в статье «О добродетели», – о любящих и ненавидящих его равно как о себе самом, всегда без пристрастия судить, если бы свои дела судил справедливо, тогда бы все другие добродетели для него не тягостны были; не считал бы тогда жертвою то, что понимал бы должностью себе, и практические добродетели обыкновенными и естественными ему бы казались». Екатерина Романовна предложила учредить ежегодную премию за лучшее сочинение в стихах или прозе, посвященное человеческой добродетели.

Екатерина Романовна одной из первых в отечественной мысли поставила вопрос о значении свободы и самодостаточности человеческой личности. Причем одним из важнейших критериев такой независимости она полагала экономическую самостоятельность. Дашкова считала, что получаемые законным путем доходы должны растрачиваться не на прихоти, а «на пользу себе и обществу». Важна при этом и самооценка личности, умение раскрыть внутренние способности, а не внешняя оценка окружающих, зачастую посторонних людей. «Кто исполнил долг свой по всей пространности одаренного ему понятия, и все обязанности свои выполнил, того несправедливость людская возмутить не может...».

Для формирования личности, по мнению Е.Р. Дашковой, необходимо создать такую систему образования, которая совмещала бы обучение и воспитание. Несмотря на то, что сама Екатерина Романовна дала своим детям образование за рубежом, она считала, что обучение юношества должно совмещать европейский опыт и российские традиции, так как одна из главных задач – формирование национального достоинства. Дашкова писала: «Если мы сами себя почитать не умеем или не хотим, то мы не можем ожидать, а тем более еще требовать, чтобы нас почитали».

Сама до 16 лет почти не знавшая русского языка, Дашкова указывала на его огромную значимость в деле просвещения соотечественников: «Русский язык красотою, изобилием, важностью и разнообразными родами мер в стихотворстве, каких нет в других, превосходит многие европейские языки, а потому и сожалительно, что россияне, пренебрегая столь сильный и выразительный язык, ревностно домогаются говорить или писать несовершенно, языком весьма низким для твердости нашего духа и обильных чувствований сердца. До какого бы цветущего состояния довели россияне свою литературу, если бы познали цену языка своего!»